

ПОСЛЕДНИЕ ПРОЕКТЫ Н.М. РИМАШЕВСКОЙ

Римашевская Н.М.,
Мальшева М.М.,
Писклакова-Паркер М.П.

БАЛАНС ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ И СЕМЕЙНЫХ РОЛЕЙ ОТЦОВ КАК ЗАЛОГ УСТОЙЧИВОСТИ СЕМЬИ И ОБЩЕСТВА

В этой статье сделана попытка раскрыть проблему баланса семейных и профессиональных ролей отцов на материалах исследований, которые проводились в Республике Карелия в 2015-2016 гг. по двум репрезентативным выборкам. В первую вошли 789 мужчин 18-49 лет, 54% из которых имели детей. Они опрашивались с использованием анкеты, разработанной Институтом «Промундо» (США) в рамках международного проекта IMAGES (The International Men & Gender Equality Survey) и адаптированной российской группой исследователей ИСЭПН РАН к национальным условиям.

Во вторую выборку вошли исключительно отцы в возрасте 18-64 лет, проживающие со своими детьми. Объем выборки составил 1000 человек.

Они опрашивались по российской анкете, куда были включены дополнительные блоки вопросов к анкетам «IMAGES». Кроме того, было проведено 10 глубинных интервью, фрагмен-

ты из которых также представлены в этой статье.

Ускорение темпов инновационного развития подталкивает современную цивилизацию к решению проблемы, как устранить сверхзанятость значительной части наемного персонала в связи с растущей интенсификацией труда, когда нерегулируемые временные инвестиции в деятельность кампании ставят служащих на грань сверхнапряжения или стресса, создавая конфликты в семьях или даже подталкивая их к распаду. Вопрос о достижении баланса между профессиональной занятостью и заботой о доме оказался едва ли ни главным на политической повестке дня всех высокоразвитых индустриальных стран, особенно в силу возникновения в Европе феномена нового отцовства [1-3], означающего интенсивные практики ухода молодых мужчин за ребенком и их полную включенность в домашнюю активность. Если раньше преимущественно женщины должны были балансиро-

вать между семьей и работой, то теперь это не в меньшей мере стало касаться мужчин.

Борьба за гендерное равенство, продолжавшаяся особенно активно в последнее столетие, стала толчком к переосмыслению трудового режима занятости состоящих в браке мужчин. Сближение уровней образования и профессиональных достижений мужчин и женщин сокращает шансы на сохранение традиционного порядка распределения ролей. Ожидания, что основные временные и энергетические ресурсы женщина будет неизменно затрачивать на домашнюю сферу, принося карьеру в жертву семье, а мужчина будет сосредоточен преимущественно на продвижении по профессиональной лестнице, все чаще воспринимаются обществом как анахронизм прошлого века.

Но есть еще и второе обстоятельство, помимо достижений в области гендерного равенства, которое требует пересмотра баланса профессиональных и семейных ролей отцов. Речь идет о новых открытиях медицины и психологии, которые показывают, что роль отцов в воспитании детей, особенно в самый ранний период их развития (до 3-х лет), драматически недооценена. Разумеется, и в школьные годы тесный контакт отцов с детьми дает огромный импульс для их психического, физического и ментального развития [4; 5], но первые три года являются определяющими.

В некоторых регионах мира, особенно в Скандинавии, за последние 30-40 лет было предпринято немало усилий для того, чтобы бизнес и предпринимательство стали «дружественными» в отношении к наемным работникам с семейными обязанно-

стями [6]. Многие европейские страны пошли по их пути и создали систему государственных гарантий для защиты семейного временного пространства от посягательств бизнеса.

В России также существует серия государственных гарантий, но российские частные компании и весь предпринимательский сектор пока находятся на подступах к формированию просемейной политики, учитывающей родительские функции отцов.

Каковы же самые главные болевые точки в просемейной политике в нашей стране?

Послеродовые отцовские отпуска

Очень важную роль в выполнении отцами активной родительской функции играют так называемые послеродовые отпуска. В Российской Федерации отцу при рождении ребенка положен неоплачиваемый отпуск сроком до 5 календарных дней, который предоставляется по письменному заявлению (Статья 128 Трудового кодекса Российской Федерации). При заключении коллективного договора работодатель может предоставить и оплачиваемый отпуск. Кроме того, отпуск может быть увеличен и на большее количество дней без сохранения оплаты. На работе не имеют права отказать в предоставлении такого отпуска, если подано письменное заявление¹.

Проведенное исследование показало, что, только четверть отцов взяли отпуск при рождении младшего ребенка, еще 2,5% отцов не работали в это время, поэтому в отпуске не

¹ URL: <http://1pobosobiyam.ru/raznoe/polozhenli-otpusk-otcu-pri-rozhdenii-rebenka.html>
URL: ppt.ru/kodeks.phtml?kodeks=17&paper=256

нуждались. Из тех, кто не брал отпуск, 17% респондентов получили отказ на работе, что является нарушением законодательства. Больше всего оказалось тех, кто не мог себе позволить отпуск — 54%; 23% отцов сами не захотели его брать; 6% респондентов не указали причину, по которой не брали отпуск. Таким образом, рынок труда не просто индифферентен, но враждебен к отцам новорожденных детей.

У немногочисленной группы отцов, которые взяли послеродовой отпуск, он длился не более одной недели, причем 72% из них имели оплачиваемый отпуск, т.е. брали его в счет предоставляемого ежегодно. За свой счет себе могли позволить уйти в отпуск только 3% опрошенных. Таким образом, лишь каждая четвертая женщина могла получить реальную помощь после рождения ребенка от своих мужей преимущественно в течение одной недели. У каждой седьмой женщины муж сразу для себя решил, что помогать не будет.

Семейно-правовая культура мужчин

Опрос показал, что 52,5% респондентов не знают, есть ли в нашей стране закон, который гарантирует отцам отпуск в связи с рождением ребенка, а еще 18% считают, что его нет, хотя закон был принят еще в 2001 году. И только 30% мужчин знают об этом законе.

Кроме того, в сознании респондентов нет четкого понимания разницы между послеродовым отпуском и отпуском по уходу за ребенком, а также нет знаний о сроках их продолжительности. Отвечая на вопрос, на какой период можно взять отпуск по уходу за ребенком после родов,

мужчины называли самые разные сроки — от недели до 3 лет. 19,5% респондентов думают, что отпуск по уходу за ребенком предоставляется менее, чем на две недели, четверть из них (26%) считают, что он длится от одного года до полутора лет, и около трети респондентов (33%) сказали, что отпуск возможен до трех лет.

Приведем фрагмент глубинного интервью по поводу отцовских послеродовых отпусков:

«Нужен ли нам отцовский отпуск? А почему бы и нет? Такая практика, возможно, могла бы и помочь, я не говорю, что прямо когда только ребенок родился, нужен отцовский отпуск, чтобы отец в декрете был. Почему бы не сделать так, чтоб в самом начале, например, жена о ребенке заботится, а, к примеру, в возрасте 4-х лет, отец как-то уже помогает ребенку, чтобы ребенок видел, что оба родителя влияют и развивают его. Если бы государство поддерживало не только женское население, но и мужское, то, возможно, это как-то способствовало бы развитию семейной пары и семейных уз. Как бы именно отразилось в целом в стране, я не уверен. Это, нужно проверять, как-то тестировать в будущем» (Кинематографист, 29 лет).

Согласно 256 статье Трудового кодекса РФ, отпуск по уходу за ребенком может взять любой из родителей. Но проблема заключается в том, что в течение первых полутора лет выплачивается пособие в размере 40% от средней заработной платы застрахованного родителя, а еще полтора года нет никакого пособия [8]. Выплаты производятся из фонда социального страхования по месту работы лица, запросившего отпуск (часть 1 статьи 11.1 Федерального закона от 29.12.2006 N 255). Естественно, что

такое низкое страховое покрытие означает существенные материальные потери для семьи, а поскольку женщины получают в России в среднем на 30% меньше мужчин, то именно они и берут этот отпуск.

За 16 лет существования 256 статьи в Трудовом кодексе РФ мужчины РФ так и не начали ей пользоваться. Она никак не влияет на выполнение отцами их родительской функции. Фактически, отпуск по уходу за ребенком как был материнским, так и остался. Подавляющее большинство российских мужчин даже не задумываются о том, что они тоже могли бы воспользоваться этой возможностью. Только в тех редких случаях, когда у жены заработная плата выше, чем у мужа, рассматривается вопрос о том, чтобы отцы оставались дома после рождения ребенка. Но этих случаев пока крайне мало. В нашей выборке только 2% респондентов сказали, что основная часть доходов семьи складывается из заработков женщины и еще 24% признались, что их доходы такие же как у жен.

Приведем еще один фрагмент одного из интервью по этому поводу: *«Возьмем декретный отпуск по уходу за ребенком. Это логично, что женщина будет первое время ухаживать и растить ребенка, поскольку она биологически к этому предрасположена. Но сейчас уже существует некая практика, когда отец может взять декрет, правда она не столько популярна, как в Европе. Честно говоря, я бы, например, не взял отпуск. Мне кажется, что мужчина может включиться в воспитание своего ребенка, когда тот подрастет и когда ему можно будет что-то объяснить и он сможет тебя понимать»* (Экономист, 29 лет).

Естественно, что при таком раскладе сил и таком менталитете основная часть мужского населения в России считает заботу о ребенке в возрасте до 3-х лет обязанностью матери. Только 59% мужчин полагают, что законодательство должно гарантировать родительский отпуск отцам, 30% — в этом не уверены и 11% — думают, что такой необходимости нет. Подчеркнем, что разброс мнений сохраняется в условиях уже действующего закона. Доля мужчин, которые поддерживают гарантированный отпуск, равна доле мужчин (59%), которые знают о существовании закона об отпуске по уходу за ребенком до 3-х лет. Другие 40% не интересуются возможностью предоставляемого отпуска по уходу за ребенком, и в результате они не знают, есть ли он и как долго он длится.

Незнание семейного законодательства значительной частью мужского населения говорит о том, что роль и значимость отцовства в ранний период развития ребенка недооценены в нашем обществе. Это связано как с патриархальной культурой, так и со слабым экономическим обеспечением родительского отпуска, т.е. открытым наступлением на права отцов. 40% от заработка — это критически низкая сумма покрытия расходов семьи как раз в тот период, когда ее потребности резко возрастают. Получается порочный круг — мужчины не берут отпуск по уходу за ребенком потому, что он плохо оплачивается, а он плохо оплачивается потому, что сохраняется патриархальная культура.

Основной парадокс состоит в том, что Россия даже раньше некоторых европейских стран ввела родительский отпуск, дающий право отцам оставаться дома с ребенком после его

рождения. Так, в Великобритании он появился на два года позже — в 2003 году. Но с тех пор в Великобритании произошли большие подвижки, а в России закон о родительском отпуске для мужчин имеет, по сути, декларативный характер. В настоящий момент британские отцы могут взять две недели родительского отпуска, который оплачивается в размере 90% от среднего заработка, что составляет 137 фунтов стерлингов в неделю [7]. 1 фунт стерлингов по курсу на август 2016 года составлял 83 руб. (Опрос проводился в июне-июле 2016 г.) В неделю это составляет — 11 352 руб., в месяц — 45 410 руб.

Теперь сравним эти цифры с заработной платой карельских респондентов по состоянию на июль 2016 г. По результатам опроса 59% опрошенных зарабатывают в месяц после вычета налогов не более 30 тыс. руб.; от 30 до 60 тыс. руб. — 33,5%; 60 до 90 тыс. руб. — 6%. И только 2% опрошенных зарабатывают более 90 тыс. руб. Таким образом, более половины мужчин по данным проведенного опроса получают при полной занятости на 17 тыс. руб. меньше, чем британские отцы, которые находятся в отпуске по уходу за ребенком. 40% от низких заработков составляет пособие в размере не выше 12 тыс. руб. в месяц. В группе со средними трудовыми доходами — 24 тыс. рублей. Согласиться на такое пособие для обычной российской семьи означает оказаться за чертой бедности.

В результате, российские отцы родительский отпуск не берут, а 91% британских отцов берут отпуск после рождения ребенка и 74% отпуск по уходу за ребенком, который может длиться до 18-ти недель в любой период до исполнения ребенку 5 лет. Закон от 2015 года, принятый в Ве-

ликобритании, характеризуется еще большей гибкостью. Матери могут передать часть своего отпуска отцам, или оба родителя одновременно могут взять отпуск. Кроме того, отцам предоставляется новое право взять два неоплачиваемых неполных рабочих дня для посещения женских консультаций [8].

Сегодня в 92-х странах мира введены именно отцовские, а не родительские отпуска. Отпуск предназначен отцу и не может быть использован никем другим. В скандинавских странах, в Великобритании и Австралии такие отпуска берут до 90% отцов. В Германии пока 30%.

Все это говорит, что изменилась культура отношения к отцовству также и со стороны бизнеса, а по мере ее распространения выросло страховое покрытие отпуска.

Культура поведения отцов в каждодневной жизни

В России и общество, и сами мужчины по-прежнему полагают, что их основная роль состоит в экономическом обеспечении семьи и в оказании поддержки женщине в уходе за домом и за ребенком. Другими словами, в выполнении домашних обязанностей они признают за собой дополняющую роль.

Основанием для такого обобщения является ряд утверждений, которые предлагались респондентам для рассмотрения, и ответы, которые они дали (табл.1).

82% отцов считают, что их главная обязанность — обеспечивать семью. Естественно, что такие представления на руку работодателям, поскольку они вполне согласуются с философией бизнеса о приоритете работы в жизни мужчины над семей-

ными обязанностями. Вместе с тем, 54% отцов считают, что они проводят слишком мало времени с детьми из-за своей работы, но только треть

(34%) сказали, что они бы согласились работать меньше, если бы это позволило им проводить больше времени с детьми.

Таблица 1

Распределение ответов респондентов на утверждения, характеризующие оценку отцами своей роли в семье

Утверждения	Ответы респондентов, %			
	Да	Нет	Не знаю	Нет ответа
Я провожу очень мало времени с детьми из-за моей работы	54	35	7	4
Я бы согласился работать меньше, если бы это позволило мне проводить больше времени с детьми	34	38	19	9
Моя главная обязанность — обеспечивать семью	82	11	4	3
Для меня забота о детях в основном означает, что я помогаю жене по мере необходимости	49	38	5	8

Источник: результаты репрезентативного опроса в Республике Карелия, 2015 г.

Также важно учесть еще 19% респондентов, которые выбрали позицию «не знаю» в ответе на вопрос, стали бы они меньше работать, если бы это позволило им проводить больше времени с детьми. Вероятно, это та часть мужчин, которые не смогли определиться из-за материальной стесненности.

Если бы им была предоставлена гарантия сохранения их заработков при меньшей занятости, скорее всего, они выбрали бы позицию «да». В таком случае доля мужчин, готовых больше проводить времени с детьми, поднялась бы до 53%, а это каждый второй отец и даже чуть больше. 49% мужчин считают, что забота о детях и о доме для них означает в основном помощь жене в случае необходимости. Эта позиция далека от активного отцовства и свидетельствует о фрагментарной вовлеченности в каждодневную заботу о семье.

Доля мужчин, которые считают свою заботу о детях равноценной

женской, составляет пока немногим более трети выборки — 38%.

Идентичная картина была в предыдущем поколении родителей. Основное бремя ответственности в доме ложилось на женщин. 43% респондентов сказали, что мать принимала основные решения в отношении их, а также их братьев и сестер, когда они были маленькими. Отцы как лица, принимающие основные решения, упоминались только 9% респондентов. Остальные 42% сказали, что решения принимались совместно обоими родителями.

Распределение времени между отцами и матерями в уходе за ребенком выглядело следующим образом: (табл. 2). Данные табл. 2 показывают, что по признанию большинства мужчин на регулярной основе в детстве заботилась о них преимущественно мать: 61% респондентов дали такой ответ. Разделение этих обязанностей между супругами наблюдалось только в третьей части семей (35%).

Регулярная забота о детях «одина-одина» (без помощи жены) оставалась большим исключением и затрагивала только 2% респондентов. Ко-

гда ребенок был болен, только 2% отцов оставались дома и 7% разделяли эту обязанность с женой.

Таблица 2

Оценка вклада отцов в проявление заботы о респондентах в детстве

Вопросы	Ответы респондентов, %					
	Всегда это делал отец	Обычно это делал отец	Родители делили эти обязанности поровну	Обычно это делала мать	Всегда это делала мать	Нет ответа
Кто заботился о ребенке на регулярной основе?	0,6	1,5	35	48	13	1,5
Кто оставался дома, когда ребенок болел?	0,2	1,3	7	56	33	2,5
Кто забирал ребенка из школы или из детского сада?	3	10	35	34	10	8
Кто водил ребенка в кружки или на иные внешкольные занятия?	1,5	10	34	31,5	11	11

Источник: результаты репрезентативного опроса в Республике Карелия, 2015 г.

Такое поведение отражает сохранение патриархальной традиции, согласно которой принято, чтобы бюллетень по уходу за больным ребенком брала женщина. На работе по-прежнему без одобрения смотрят на мужчин, которые делают это сами. Эти культурные перекосы имеют место, как в западном, так и в российском обществе. Эмпирические наблюдения показывают, что когда ребенок заболевает, то администраторы детских садов, в первую очередь, звонят матери, а не отцу.

Относительно ухода за ребенком во время болезни ситуация среди респондентов в последние годы даже немного ухудшилась. Сейчас остаются с заболевшим ребенком не 2%, а только 1% отцов. Совместно с матерью это делали раньше 7% отцов, а сейчас только 6%. Таким образом, отцовская забота в моменты ухудше-

ния здоровья ребенка хоть и несущественно, но снижается. Объяснять это ростом безответственности среди современного поколения отцов было бы неверно, так как по всем другим показателям их активность заметно повысилась.

Вывод напрашивается сам собой: организация рынка труда и режима занятости, при котором есть возможность уйти с рабочего места и взять больничный лист по уходу за ребенком, сегодня для мужчин предельно лимитирована. Сказываются консервативные установки работодателей и недружественное законодательство государства, не позволяющее сочетать родительские функции с профессиональными в ситуациях болезни детей. Между тем, именно во время болезни ребенок больше всего нуждается в усиленном контакте с родителями, чтобы преодолеть фи-

зическую боль или психологическую подавленность, вызванную недугом.

Высокий конформизм отцов в отношении законодательства, не дающего право ухаживать за ребенком во время болезни или отсутствие соответствующих положений в трудовых договорах разных предприятий, — наиболее тревожный момент. Возможно, для работодателей такое положение дел наиболее оптимально, но для младшего поколения с точки зрения сохранения потенциала его здоровья эта ситуация должна быть государством переосмыслена.

Поскольку подавляющая часть женщин в России традиционно занята на рынке труда, а сегодня они составляют 49% от занятых в экономике (уровень экономической активности женщин в трудоспособном возрасте составляет 77%), то перекладывание на них основного бремени ухода за ребенком и домом означает закрепление социального неравенства. Когда мужчины уклоняются от выполнения семейных обязанностей, ссылаясь на традиции прошлого века, они отстаивают патриархальные привилегии, обозначающие их доминантную позицию.

Но это еще полбеды. Коммуникативный контакт в такой семье построен на субординации, и в результате такая семья для ребенка становится прототипом создания отношений в обществе, построенном в гораздо большей степени на субординации и в гораздо меньшей степени на партнерстве. Наблюдая, как между родителями распределяется домашний труд, мальчики и девочки опровергают этот сценарий на распределение своих ролей в обществе.

Жесткие условия ведения бизнеса в России, ненормированные часы рабочего времени, частые переработ-

ки, слабые профсоюзы, неспособные защитить права наемного персонала, все чаще приходят в противоречие с теми моделями семейных отношений, которые можно охарактеризовать как эгалитарные.

Приведем фрагмент интервью со студентом (18 лет, живет в незарегистрированном браке, детей нет):

«Я думаю, что исполнение родительского долга зависит не столько от страны, сколько от человеческого фактора. Потому что люди все разные, у них разные характеры и относятся они ко всему по-разному. Если человек, например, не любит находиться с семьей, не думает о семейном очаге, о его защите, и о пребывании в нем, а делает карьеру, занимается азартными играми или что-то еще, я думаю, что это не столько связано со страной, сколько именно с самим человеком. Возможно, страна как-то повлияла на отцовство и повлияла в худшую сторону, потому что мы живем в постсоветском пространстве, когда обычным делом становится рэккет и незаконное банкротство предприятий. По людям просто видно, что они потеряли веру во многое... никаких позитивных перспектив я не вижу, вижу только отрицательные. В стране нет условий, чтобы выполнять роль настоящего отца. Но я убежден, что есть люди, которые могут их сами создать для себя».

Появление активного отцовства, как показывает исторический опыт многих стран, проистекает из активной позиции государств в реализации принципов «семейно-дружественной» политики на рынке занятости. Проблема баланса времени у трудящихся между семейными обязанностями и работой, разумеется, в нашем обществе поднималась неоднократно

на самых разных уровнях, но преимущественно концентрировалась на матерях. Что касается отцов, то до сих пор распределение времени между семьей и работой рассматривалось и рассматривается ими и обществом как их личная проблема.

Между тем, в связи с нуклеаризацией семей, происходившей всю вторую половину XX столетия, и отказом государств от целого ряда социальных программ, завершившимся драматическим снижением количества детских садов и яслей на исходе прошлого столетия и в начале текущего, отцам пришлось пережить настоящую «шоковую терапию». Им нужно было адаптироваться к совершенно новым условиям воспитания ребенка при минимальной поддержке со стороны других родственников и государства. При этом роль мужчины как основного кормильца сохранилась, т.е. требования к выполнению функции экономического обеспечения семьи вовсе не снизились. К этому еще добавились растущие ожидания со стороны жен, что мужья будут более «инклюзивными отцами», т.е. станут инвестировать в семью не только свое нерабочее время (количественный аспект), но и наполнят новым содержанием общение с женой и ребенком, выражая большую заботу и эмоциональную привязанность (качественный аспект).

Чтобы достичь баланса, отцы со средними и минимальными доходами стремятся устанавливать неформальные договоренности с работодателем для получения послаблений в соблюдении трудового графика (позже прийти или раньше уйти, взять отгул и т.д.), а отцы с более высокими доходами стремятся увеличить заработок, чтобы нанять няню или иметь возможность оплатить

пребывание ребенка в частном детском саду. Пока наши работодатели видят преимущественно издержки от социальных мер и программ и не готовы рассматривать просемейную политику как способ привлечения молодых кадров на предприятие или способ удержания квалифицированных специалистов.

Но, что особенно важно для России, нет осознания специфичности российской ситуации, принуждающей отцов быть более активными. Эта специфика состоит, по крайней мере, в двух моментах. *Первый* — более высокий уровень образования женщин в России. Среди занятого населения с высшим образованием женщины составляют 55%. *Второй* — снижающийся с каждым поколением потенциал здоровья рожениц и детей. Как показывают многие исследования, потенциал здоровья детей младшего поколения сегодня намного ниже, чем у предшествующих поколений: «свыше одной трети новорожденных приходят в этот мир уже больными или заболевают непосредственно после рождения, не проходя реабилитации» [9]. Растет детская инвалидность, исключительно высок процент детей аллергиков. Параллельно снижается здоровье беременных и кормящих матерей. Сегодня оно также уступает здоровью рожениц из предшествующих поколений.

Таким образом, увеличение заботы отцов о детях и женах и в количественном и качественном измерении становится неизбежной необходимостью. Одно здравоохранение с масштабом проблем уже не справится. Нужна активизация факторов, которые лежат за пределами медицинской сферы, а это создание более гибких режимов занятости для *обоих родителей* и признание социумом жиз-

ненной важности активного участия отцов в репродуктивном труде с соответствующей компенсацией потери их доходов в ранний постнатальный период (80-100% от основного месячного заработка).

В дорожной карте «Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» в качестве основных мер, способствующих совмещению родителями воспитания детей с профессиональными обязанностями, стоят такие меры, как обеспечение доступности дошкольного образования и формирование среды, доброжелательной к работникам с семейными обязанностями. В последнем случае речь идет лишь о *предложениях* в проект Генерального соглашения между общероссийскими объединениями профсоюзов, общероссийскими объединениями работодателей и Правительством Российской Федерации на 2017-2019 годы. А нужны *законы*, которые устанавливали бы уже сейчас гибкие формы занятости для родителей малолетних детей (неполное рабочее время, разделенный рабочий день на части, сокращенный рабочий день, гибкий режим труда и др.), а также иные льготы в трудовой сфере с учетом гендерных различий работников.

Таким образом, в России необходимость усиления участия отца в первые дни жизни ребенка — это не столько вопрос гендерного равенства и справедливости, или распространения новой культуры родительства, сколько вопрос сохранения популяционного здоровья и решения острых демографических проблем с точки зрения улучшения качества генфонда.

Для перехода к активному отцовству обществу предстоит генерировать новое наполнение старых поня-

тий. Так, признание отца как отца потребует обозначения гораздо более широкого набора обязанностей в заботе о ребенке и имеет в своем основании представление, что отцы должны быть сопричастны к зарождению новой жизни уже на стадии беременности жены, участвовать в появлении ребенка на свет и реагировать на его нужды в первые дни жизни.

Пока жизненные реалии очень далеки от осознания нужного вектора развития. Подтверждением тому служат замечание, сделанное членом Общественной палаты РФ и федерального «Союза Отцов» Владимиром Слепаком. В частности, он заявил на одном из заседаний ОП РФ год назад: «В сегодняшней кризисной ситуации российские семьи с детьми стали фактическими изгоями общества и большинство из них находится за чертой бедности. Недопустимая ситуация характеризует социальное сиротство. С 2011 г. по 2015 г. численность бездомных сирот в стране выросла с 70 тыс. до 128 тыс. человек <...> Ежегодно в России лишают родительских прав 50 000 отцов и матерей, при этом 44 000 теряют детей из-за алкоголизма и наркомании». Также он особо выделил проблемы детей-инвалидов и бездеятельность учреждений медико-социальной экспертизы, в результате чего тысячи детей лишены положенных им по закону льгот. Наконец, он отметил проблемы разведенных семей. Статистика распадов семей в России крайне неутешительна. Так, в 2015 г. был самый высокий процент разводов. На 1 тыс. заключенных браков пришлось 540 разводов².

²URL: <http://www.er-duma.ru/news/v-rossii-sozdan-soyuz-ottsov/>

Институциональное обеспечение возможности отцов «быть здесь и сейчас», активно включиться в ведение домашнего хозяйства и воспитание детей, приобретает для российского общества небывалую остроту. Либо правительство, ключевые менеджеры основных деловых компаний и бизнес структур займут в этом процессе более активную позицию, либо качество новых трудовых ресурсов окажется драматически низким для развития экономики. Нужны, по крайней мере, две экстренные меры: первая (о которой уже говорилось выше) — создание системы трудовых льгот для отцов с родительскими обязанностями, и вторая — перераспределение прибыли деловых компаний таким образом, чтобы доходы младшего и среднего персонала не различались в десятки, а то и сотни раз с доходами ключевых менеджеров.

Культура рабочего места

Огромное воздействие на способность отцов установить баланс между профессиональными и семейными ролями имеет культура рабочего места. Это нечто большее, чем дружественная по отношению к семье политика работодателей. Она включает психологический комфорт отцов при необходимости обсудить семейные обязательства с начальством и коллегами, чтобы покинуть немного раньше рабочее место и забрать ребенка из школы, или быть с ним рядом во время болезни.

Такого комфорта нет, поскольку сохраняется общее представление, что сверхурочная работа демонстрирует преданность человека организации. Из-за этого мужчины редко высказывают вслух недовольство по

поводу частых задержек на работе, но на самом деле есть внутреннее сопротивление перманентной практике дополнительных часов занятости, которое выражается в большей неудовлетворенности условиями труда среди молодежи.

Как правило, администрация предприятий не делает открытых заявлений о каких-то установленных поблажках в отношении родителей с малолетними детьми. Работодатели полагают, что достаточно несистематической и неформальной информации для понимания их политики по этому вопросу. Не обнародовать просемейную политику — их принципиальная позиция, хотя для прессы или другой внешней публики руководство предприятия может заявить, что у него есть механизмы поддержки семейных работников. В результате работники вынуждены гадать, как поступать в той или иной ситуации, и принимать решения на свой страх и риск. Бывают и более парадоксальные ситуации, когда работодатель уверяет, что никаких запросов со стороны семейных мужчин нет, хотя их нет именно потому, что отцы не располагают сведениями о политике работодателя. В любом случае работодатель предпочитает неформальные договоренности гласным правилам оказания поддержки. Это касается и экстренных ситуаций, что создает риск производственных стрессов у мужчин.

Хорошо известно, что в России существует мужская сверхсмертность именно в трудоспособных возрастах. Чаще всего ее связывают с алкоголизмом, травматизмом, насильственными действиями, дорожно-транспортными происшествиями, низкими заработками мужчин [10]. Однако важнейшим фактором мужской

смертности являются несбалансированные нагрузки, связанные с необходимостью одновременно выдерживать жесткую конкуренцию на рынке труда и отвечать существенно возросшим требованиям к выполнению роли отца, особенно в тех семьях, где жена имеет сходный или более высокий уровень образования [11].

Препятствиями к установлению баланса семейных и профессиональных ролей среди отцов являются:

- *отсутствие регулярных публичных дискуссий о новом отцовстве в СМИ и популярной литературе.* Дискуссии о «новом отцовстве» очень редко имеют место в российском обществе. Публикации на эту тему в социальных СМИ и популярной литературе только прокладывают себе дорогу, поскольку даже в социологических текстах они начали находить отражение только в последние 10-15 лет [12-17]. Эти публикации, в основном, описывают растущие виды взаимодействия отца с ребенком и связаны дискурсивно с вопросами достижения гендерного равенства. Но самоценность отцовства, его индивидуализация, его интимность и партикулярность, отцовство как свободу жизненного выбора, как мощнейшую силу, способную преобразить демографическое состояние общества и само качество нового поколения детей только предстоит исследовать;
- *дефицит информации о ситуации в европейских странах* относительно сопряженности новой культуры отцовства с законодательными и институциональными изменениями в государственно-частном секторе, отсутствие прозрачности и регулярной подотчетности стран, подписавших

Конвенцию МОТ относительно реализации статьи этой конвенции, гарантирующей работникам с семейными обязанностями возможности совмещения семейных и профессиональных ролей. Несколькo больше известно о достижениях в нордических странах, поскольку у них более длительная история и традиция реализации социальных и экономических мер, направленных на вовлечение отцов в разные аспекты семейной жизни, и намного шире круг специалистов, которые вели многолетние исследования на эту тему [6; 18-19]. Кроме того, постоянно рос круг НКО, активно продвигавших проотцовскую политику и внедрявших отцовские практики. В рамках трансграничного сотрудничества они стали известны в северных территориях России уже в начале XXI века;

- *дефицит исследований в России на тему отцовства* как в национальном, так и в региональном масштабах, а главное, — отсутствие динамического ряда исследований, чтобы делать заключение об изменении родительских практик у отцов. Все существующие тренды пока можно рассматривать как неустойчивые вариации, заданные рядом социально-экономических факторов: уровнем образования отцов, местом проживания, социальным статусом и пр. Веса этих факторов имеют гипотетическое измерение;
- *российское общество не готово разводить понятия «родительство» и «отцовство».* Родительство тесно сопряжено с ролью мужчины как основного добытчика и кормильца. В отличие от него отцовство имеет глубоко

личностные проявления и отличает индивидуальность одного отца от другого. Но личностные проявления институционально и культурно детерминированы в современной исторической и кросс-национальной перспективе в зависимости от типа государ-

ственного устройства, что всегда будет служить источником расхождения практик установления баланса семейных и профессиональных ролей даже вопреки процессам глобализации режимов труда и занятости.

Литература

1. Doherty W., Kouneski E.F., Erickson M.F. Responsible Fathering: An Overview and Conceptual Framework. *Journal of Marriage and Family*. — 1998. — No 2 (Vol. 60). — P. 277-292.
2. Wall G., Arnold S. How Involved is Involved Fathering? An Exploration of the Contemporary Culture of Fatherhood // *Gender and Society*. — 2007. — No 4 (Vol. 21). — P. 509-510.
3. Dempsey D., Hewitt B. (eds). Fatherhood in the Early 21 Century // *Journal of Family Studies*. — 2005. — No 18. — P. 2-3.
4. Mott F.L. Absent Fathers and Child Development. Emotional and Cognitive Effects at Ages Five to Nine. — Ohio State University, 1993. — P. 4-5.
5. Rohner, Ronald P. The Parental "Acceptance-Rejection Syndrome": Universal Correlates of Perceived Rejection // *American Psychologist*, — 2004. — Vol 59(8), Nov. — P. 830-840.
6. Eydal G.B., Rostgaard T. Gender Equality revisited — changes in Nordic childcare policies in the 2000s // *Social Policy and Administration*. — 2011. — No 45(2). — P. 161-179.
7. Dermott E., Miller T. More than sum of its parts? Contemporary Fatherhood policy, practice and discourse // *Family, Relationships and Societies*. — 2015. — Vol. 4. — No 2, July. — P. 183-195.
8. Brien O., Moss M., Koslowski P., Daly A. Country reports: United Kingdom // P. Moss (ed.). International Network on Leave Policies and Research. — London. 2015. Department for Business, Innovation and Skills.
9. **Римашевская Н.М.** Радикальные изменения негативных трендов здоровья в России // *Народонаселение*. — 2010. — № 1. — P. 4-10.
10. **Величковский Б.Т.** Жизнеспособность нации. — М.: РАМН. — 2012.
11. **Хитрук Е.Б.** Философские основания формирования феномена «Отсутствующего отца» в современной культуре // *Вестник Томского государственного университета*. — 2013. — № 368. — С. 54-59.
12. **Чернова Ж.В.** Семейная политика в западноевропейских странах: модели отцовства. // *Журнал социологии и социальной антропологии*. — 2012. — Т. 15. — № 1. — С. 103-122.
13. **Липасова А.** Свобода, равенство и отцовство. Опыт скандинавских стран/ Ed. by Eydal G.B. and Rostgaard T. — Bristol: Policy Press, 2015. — 409 p.
14. **Гурко Т.А.** Вариативность представлений в сфере родительства // *Социологические исследования*. — 2000. — № 11. — С. 90-97.
15. **Кон И.С.** Мужчина в изменяющемся мире — М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2009.
16. **Безрукова О.Н.** Готовность к отцовству: факторы, условия и возможности. // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Политология. Международные отношения*. — 2007. — № 2-1. — С. 98-109.
17. **Авдеева Н.Н.** Психология отцовства. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.portal-slovo.ru/pre_school_education/36613.php
18. Bergman H., Hobson B. Compulsory Fatherhood: the coding of fatherhood in the Swedish welfare state // *Making Men into Fathers*. — Cambridge: Cambridge University Press. 2002. — P. 92-125
19. Brandth B., Kvande E. Gendered or gender-neutral care politics for fathers // *The Annals of the American Academy of political and Social Science*. — 2009. — Vol. 624. — P. 177-189.

Bibliography

1. Doherty W., Kouneski E.F., Erickson M.F. Responsible fathering: an overview and conceptual framework. *Journal of Marriage and Family*. 1998. No. 2 (Vol. 60). P. 277-292.
2. Wall G., Arnold S. How involved is involved fathering? An exploration of the contemporary culture of fatherhood. *Gender and Society*. 2007. Vol. 21. No. 4. P. 509-510.
3. Dempsey D., Hewitt B. (eds). Fatherhood in the early 21st century. *Journal of Family Studies*. 2005. No. 18. P. 2-3.
4. Mott F.L. *Absent Fathers and Child Development. Emotional and Cognitive Effects at Ages Five to Nine*. Ohio State University. 1993. P. 4-5.
5. Rohner, Ronald P. The parental "acceptance-rejection syndrome": Universal correlates of perceived rejection. *American Psychologist*. 2004. Vol. 59(8), Nov. P. 830-840.
6. Eydal G.B., Rostgaard T. Gender equality revisited — changes in Nordic childcare policies in the 2000s. *Social Policy and Administration*. 2011. No. 45(2). P. 161-179.
7. Dermott E., Miller T. More than sum of its parts? Contemporary Fatherhood policy, practice and discourse // *Family, Relationships and Societies*. 2015. Vol. 4. No 2, July. P. 183-195.
8. Brien O., Moss M., Koslowski P., Daly A. Country reports: United Kingdom. P. Moss (ed.). *International Network on Leave Policies and Research*. Department for Business, Innovation and Skills. London. 2015.
9. Rimashevskaya N.M. Radikal'nyye izmeneniya negativnykh trendov zdorov'ya v Rossii [Radical change of the negative trend in the Russian population health]. *Narodonaseleniye [Population]*. 2010. No. 1. P. 4-10.
10. Velichkovsky B.T. *Zhiznesposobnost' natsii [Viability of the Nation]*. Moscow. 2012.
11. Khitruk E.B. Filosofskiye osnovaniya formirovaniya fenomena «Otustvuyushchego ottsa» v sovremennoy kul'ture [Philosophical foundations for formation of the phenomenon of "absent father" in modern culture]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Tomsk State University]*. 2013. No. 368. P. 54-59.
12. Chernova Zh.V. Semeynaya politika v zapadnoevropeyskikh stranakh: modeli ottsovstva [Family policy in West European countries: models of fatherhood]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii [Journal of Sociology and Social Anthropology]*. 2012. Vol. 15. No.1. P. 103-122.
13. Lipasova A. Svoboda, ravenstvo i ottsovstvo. Opyt skandinavskikh stran [*Freedom, Equality and Fatherhood. Experience of the Scandinavian Countries*]. Ed. by Eydal G. B. and Rostgaard T. Bristol. Policy Press. 2015. 409 p.
14. Gurko T.A. Raznoobraziye kontseptsiy ottsovstva [Diversity of the fatherhood concepts]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya [Sociological Studies.]* 2000. No. 11.
15. Kon I.S. *Muzhchina v izmenyayushchemsya mire [Man in the Changing World]*. Institut etnologii i antropologii RAN [Institute of Ethnology and Anthropology RAS]. Moscow. 2009.
16. Bezrukova O.N. Gotovnost' k ottsovstvu: faktory, usloviya i vozmozhnosti [Readiness for fatherhood: factors, conditions and possibilities]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta [Bulletin of the Sankt-Petersburg University]*. 2007. Series 6. Vol. 2. Part 1. P. 98-109.
17. Avdeeva N.N. *Psikhologiya ottsovstva [Psychology of fatherhood]*. Available at: http://www.portal-slovo.ru/pre_school_education/36613.php
18. Bergman H., Hobson B. Compulsory fatherhood: the coding of fatherhood in the Swedish welfare state. *Making Men into Fathers*. Cambridge. Cambridge University Press. 2002. P. 92-125.
19. Brandth B., Kvande E. Gendered or gender-neutral care politics for fathers. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 2009. Vol. VI (3-4). P. 177-189.